

Александр Верховский Исламофобия после 11 сентября

<http://prikom.panorama.ru>

«Россия Путина. Пристрастный взгляд»: Центр «Панорама»; Москва; 2003

ISBN 5-94420-009-X

Александр Верховский Исламофобия после 11 сентября

11 сентября и последовавшая за ним военная операция США в Афганистане стали вторым рождением для концепции «конфликта цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона¹, особенно – в России. Разумеется, в российском общественном дискурсе от Хантингтона осталось немного: Запад и мир ислама противостоят друг другу, а России как лидеру восточно-христианской цивилизации надлежит найти свое место в этом важнейшем сейчас глобальном конфликте. С другой стороны, такое понимание ситуации можно считать и редукцией популярной концепции «многополярного мира».

Не вдаваясь здесь в рассуждения об амбивалентном отношении к Западу после 11 сентября, сразу отметим, что российское общество, сильно озадаченное к концу 2001 года вопросом об исламистской подоплеке чеченского сепаратизма, никак не готово было принять сторону ислама в глобальном противостоянии Ислам-Запад, реальном или предполагаемом. А раз есть конфликт, достигший стадии полномасштабной войны, стороны конфликта определены и одна из них точно признается недружественной, неизбежна какая-то форма мобилизации общества против нее.

Конечно, такая краткая схема – колоссальное упрощение. Но изложить эти банальные на вид рассуждения нас заставляет то, что именно так, очень упрощенно, воспринимает глобальные политические процессы большинство людей. Еще больше людей ощущает их так на эмоциональном уровне, но не позволяет себе говорить об этом публично: каждый, наверное, может подтвердить это на примере каких-нибудь своих знакомых.

Но ксенофобные схемы все-таки остаются моветоном. А в России есть и два дополнительных мотива избегать трактовки глобальной политики в терминах конфликта цивилизаций, культур или религий. Во-первых, в России живут миллионы собственных мусульман. Во-вторых, еще с первой чеченской войны в СМИ (в серьезных, конечно) установилась весьма разумная привычка не интерпретировать войну в религиозных терминах или в терминах конфликта разных культур (нашей – «цивилизованной» и их – «дикой»). Подобные трактовки справедливо считаются очень опасными вообще и вредными для урегулирования чеченской проблемы в частности. Даже очевидная принадлежность вторгшихся в Дагестан в 1999 году отрядов именно к исламистам (то есть к сторонникам насаждения исламского интегризма силовыми методами) не изменила в первое время сложившейся традиции.

Итак, до 11 сентября российское общество еще упорно избегало оценки политических событий в религиозных терминах, но 11 сентября произошел перелом. Для него, опять же, были три дополнительных причины.

Одна – вполне понятное желание сформировать общественное отношение к тому факту, что военный противник государства, каковым являются чеченские сепаратисты, руководствуется теперь в значительной степени именно исламистскими идеями.

Вторая причина не столь, может быть, важна, да и менее заметна. Поэтому о ней придется сказать подробнее: дело в том, что реакция ряда мусульманских лидеров России на 11 сентября и последующие события заметно разошлась с официальной.

---

¹ При том что концепция в России известна давно: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33-48.

Муфтий Талгат Таджуддин, глава Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России, один из основных мусульманских лидеров России, традиционно считающийся самым умеренным, уже 12 сентября счел нужным рассуждать о собственной вине США в произошедшей трагедии:

Оппоненты Таджуддина высказались гораздо резче. 18 сентября Евразийская партия (небольшая партия, возглавляемая депутатом Абдул-Вахедом Ниязовым) провела пресс-конференцию. На ней сопредседатель Совета муфтиев России, верховный муфтий Азиатской части России Нафигулла Аширов пригрозил США Божьим Судом за преступления против мусульман и добавил:

Мы знаем, какая страна имеет разветвленную сеть спецслужб. Это сионистские спецслужбы. У бен Ладена нет таких возможностей. Это сделали не арабы и не мусульмане, а те, кто располагает возможностями и кому это выгодно²

Ниязов также обвинил США и сказал, что, мол, первые комментарии

давали не американцы или русские, а все тот же Щаранский и Либерман, которые словно дежурили у камер НТВ.

Начало военных действий в Афганистане было встречено радикальным крылом официального мусульманского руководства очень резко. Нафигулла Аширов, находясь в Бейруте, заявил, что эта акция дает право каждому мусульманину на ответные действия, правда, оговорившись, что его Духовное управление к актам насилия призывать не будет³.

Понятно, что многие антиамерикански настроенные общественные и политические деятели были согласны (публично или нет) с муфтием Ашировым или хотя бы с муфтием Таджуддином, но от религиозных лидеров слышать такие речи в такой момент было все-таки... необычно. (Для сравнения напомним, что 12 сентября Синод РПЦ выпустил очень достойное заявление о случившемся⁴, а по поводу только обсуждавшейся тогда операции в Афганистане митр. Кирилл сказал, что «ответы США, конечно, будут, и они должны быть, поскольку с христианской точки зрения зло должно быть наказано», оговорившись, что при этом «ни в коей мере не должны пострадать невинные люди»⁵.)

Конечно, не все отметили демарши муфтиев, которые к тому же быстро прекратились, но у многих осталось впечатление, что в умозрительном противостоянии с «миром ислама», к которому имеет отношение и Россия (к противостоянию, но и к исламу), даже «официальные» мусульманские лидеры могут оказаться не вполне лояльны.

И наконец, нельзя не сказать и о третьей причине актуализации «исламской темы», никак не связанной с 11 сентября, – о драматическом восприятии иммиграции многими нашими согражданами (вероятно, большинством). Иммигрируют в Россию далеко не только мусульмане (очень многие иммигранты – этнические русские), но именно «визуально нерусские» выходцы из мусульманских (или преимущественно мусульманских) стран и регионов (Средняя Азия, Азербайджан, Северный Кавказ) вызывают наибольшее раздражение. А после 11 сентября

---

² Сигида Аделаида. Мусульмане нашли виноватых // Коммерсантъ. 2001. 19 сентября.

³ Сообщение агентства «Регионы России». 2001. 8 октября.

⁴ Заявление Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с террористическими актами в Америке // Сообщение ОВЦС. 2002. 12 сентября (<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr109123.htm>).

⁵ Цит. по: Православная церковь благословила американское воинство // Газета.Ру. 2001. 18 сентября (<http://www.gazeta.ru/2001/09/18/pravoslavnaa.shtml>).

возник еще и повод для подозрений в их адрес во всеобщей причастности к терроризму (до того это относилось только к чеченцам).

Раздражение эффективно аккумулируется в расистском насилии скинхедов и одновременно – значительной части милиции. Причем такое поведение и тех, и других вызывает одобрение очень многих «коренных жителей» (термин берем в кавычки хотя бы ввиду его неоднозначности); достаточно вспомнить сочувственную реакцию на погром на Царицынском рынке. По данным ВЦИОМ, 21% россиян полагали, что скинхеды защищают интересы русских, 17% вполне поддерживали лозунг «Россия для русских», а 38% считали, что его неплохо было бы осуществить «в разумных пределах»⁶. Зато публично, в прессе (исключая откровенно «желтую») расистские мотивы представлены в очень смягченной форме⁷, хотя во многом – просто за счет избегания темы.

* * *

Но практика умолчания редко бывает устойчивой, тем более в ситуации, которую многие люди воспринимают как реально угрожающую. Умолчание нарушалось и нарушается постоянно, но все же пока это именно нарушения правила, а не отказ от него. Соответственно, не сложился пока и какой-то общий ход обсуждения «исламской темы». Так что в этой краткой статье мы ограничимся лишь одним, но очень показательным примером – полемикой в солидных праволиберальных «Известиях», начатой статьей Олега Осетинского «Если бы я был бен Ладеном»⁸, представляя которую, редакция сразу обозначила ее как «скандальную и провокационную».

Статья представляет собою приснившееся лирическому герою письмо от некоего студента, со скинхедской прямоотой рассуждающего о засилье «муслов» в стране и мире, чтение героем во сне литературы об исламе, а также его рассуждения о том и о другом во сне и наяву. Правда, грань между сном и явью весьма зыбка: уже проснувшись, герой открывает гостю дверь, а после разговора с ним почему-то вешает трубку... Так что резонно счесть рассуждения самого героя – назовем его Олегом Осетинским – едиными. Смысл этих рассуждений легко резюмировать: цивилизованные христианские народы Запада, а тем более – недоцивилизованный христианский народ России, не могут жить вместе с большим количеством мусульман-иммигрантов, и не из соображений этнической несовместимости, а именно потому, что они носители чуждой и откровенно враждебной религии. Осетинский вывел для себя, что ислам в целом агрессивен и направлен на полное завоевание остального мира. Из этой религии органично и повсеместно вырастает исламизм, который Осетинский прямо ассоциирует с Дьяволом. А «цивилизация имеет право на превентивную самооборону», что включает не только военные действия, но и такие меры, как тотальная депортация мусульман-иммигрантов:

Запад сегодня имеет полное право считать, что каждый мусульманин – потенциальный террорист, ... поскольку весь исламский мир последует за своими радикальными лидерами – однозначно.

Мы не приводим пассажи, весьма обидных для мусульман или отдельных народов, во

---

⁶ Данные опросов приведены на Полит.Ру: <http://www.polit.ru/documents/485773.html>; <http://www.polit.ru/documents/498990.html>

⁷ Hate speech (язык вражды) в российской прессе является отдельным предметом изучения. Не так давно вышла книга: Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ/Сост. А.М. Верховский. М.: «Центр „Панорама“», 2002.

⁸ Печаталась аж в четырех номерах, вызывая полемику даже и между частями: Осетинский Олег. Если бы я был бен Ладеном... // Известия. 2002. 13 сентября, 26 сентября, 3 октября, 10 октября.

множестве встречающихся у Осетинского. Но не удивились, когда по запросу депутата Гаджимурата Омарова Тверская прокуратура Москвы провела расследование и возбудила в ноябре уголовное дело по ст. 282 УК (возбуждение национальной и религиозной вражды), а сотрудники интернет-агентства «Ислам.Ру» подали гражданский иск по тому же поводу⁹. И ответные объяснения Осетинского¹⁰ не прозвучали, на наш взгляд, достаточно убедительно.

Предваряя вторую часть статьи, заместитель главного редактора Георгий Бовт сформулировал посылку для дискуссии:

Если что-то сильно не нравится и тревожит – это не значит, что об этом надо обязательно молчать. Рост националистических настроений во всем мире – не только в России – во многих случаях также проходит под молчание официальных властей. Выяснилось, что остывшие от идейных боев «холодной войны» державы и их лидеры в большинстве своем оказались не готовы к новым вызовам времени. А готовы лишь к заклинаниям, что, мол, Сэмюэль Хантингтон не прав и никакой такой «войны цивилизаций» нет и не предвидится¹¹.

При этом Бовт не выразил одобрения тому варианту новой стратегии, который предлагает Осетинский. Какие же другие варианты были опубликованы после этого «Известиями»?

Уже параллельно с публикацией первой части статьи была представлена и реплика Семена Новопрудского, который доказывал, что тотальная антиисламская война «по Осетинскому» либо провалится, либо приведет к одичанию, не меньшему, чем у бен Ладена. Правда, Новопрудский признавал, что искоренить мировой терроризм более дифференцированными методами почти невозможно¹².

Правозащитница Лидия Графова не вступила в полемику по существу, но сделала два важных замечания. Во-первых, нагнетание агрессии всегда вызывает ответную агрессию, так что воинственная риторика Осетинского деструктивна. Во-вторых, примерно 70% иммигрантов в Россию – это этнические русские, но и они встречают весьма неласковый прием и у властей, и у местного населения; так что ксенофобия к «пришлым» гораздо шире антиисламской ксенофобии¹³.

А вот востоковед Алим Гафуров полностью поддержал Осетинского в том, что ислам в целом враждебен ценностям демократии и свободы.

Мировое сообщество должно объявить ислам «религией нон грата» со всеми вытекающими для исламистов последствиями¹⁴

Гафурову ответил «сам» Евгений Примаков, утверждавший, что опасность представляют только фундаменталистские течения в исламе, да и они могут эволюционировать к демократии, пусть и не такой, как западная, если не будут сведены к экстремизму самой ситуацией жесткого

⁹ Газету «Известия» привлекли за уголовщину // Ислам.Ру. 2002. 29 ноября (<http://www.islam.ru/press/rus/2002-11-29/?single=1548>).

Отметим, кстати, что мы против уголовного преследования по таким поводам, но формулировка ст.282 достаточно широка, чтобы допустить такую возможность.

¹⁰ Осетинский Олег. Все идет по плану режиссера Дьявола // Известия. 2002. 19 ноября.

¹¹ Бовт Георгий. Предисловие к публикации: Осетинский Олег. Если бы я был бен Ладеном // Известия. 2002. 26 сентября.

¹² Новопрудский Семен. Бен Ладенами не рождаются // Известия. 2002. 13 сентября.

¹³ Графова Лидия. А не депортировать ли нам чеченцев на луну? // Известия. 2002. 17 ноября.

¹⁴ Гафуров Алим. Я знаю, что такое ислам // Известия. 2002. 19 ноября.

противостояния Запада и мира ислама¹⁵. (Прогноз известного арабиста – либо очень смелый, либо очень дальний, но, возможно, для Примакова это был всего лишь способ лишний раз выступить против США.)

Но так и не последовало никакого ответа на собственно аргументацию Осетинского, статья которого ценна именно включением всех обыденных аргументов в пользу тотального противостояния иммиграции и исламу. И это отсутствие ответа – очень важный итог (может быть, промежуточный) полемики в «Известиях».

Если же сузить тему с глобальной до российской, то тут уже у Осетинского намечено сближение исламской, чеченской и иммигрантской «угроз». Соответственно, основным содержанием статьи Графовой стали описания страданий чеченских беженцев и гражданского населения в Чечне. И будто в ответ на это через неделю была опубликована (сразу после захвата «Норд-Оста», но подготовлена-то, наверное, раньше) статья с живописанием нападений чеченцев на русских в разных концах страны¹⁶. А Максим Соколов¹⁷ и диакон Андрей Кураев¹⁸ доказывали потом, что этническое даже важнее религиозного, что у терроризма есть вполне определенные этнические предпосылки и против «чеченской угрозы» нет иного средства, кроме целенаправленного и продуманного давления со стороны Империи. Так что и здесь радикальным рецептам и доходчивым объяснениям Осетинского не нашлось представительной альтернативы, а лишь сместился фокус ксенофобии.

* * *

Пример полемики в «Известиях» показывает (хотя и не доказывает, наверное), что в обществе на самом деле уже вполне сложилось отчетливое представление о страшной цивилизационной угрозе, а также о решительных и жестоких методах противодействия ей. А вот не столь упрощенные объяснения и не столь упрощенные рецепты представлены крайне слабо.

То же состояние умов, надо полагать, свойственно и аппарату государства. Различие же в том, что государство даже и помыслить не может о «войне цивилизаций» и тому подобных суперконцепциях. Соответственно, выдвигаются концепции частные, то есть государство стремится устранить непонятную, но грозную опасность по частям, и само по себе такое поведение вполне разумно. Можно выделить два частных решения – жесткое регулирование миграции и манипулирование структурами российского ислама.

Тема миграции весьма обширна и заведомо выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что в политике ограничения иммиграции (законной и незаконной) можно усмотреть и действие антиисламских предрассудков. Например, трудно рационально объяснить, почему подмосковный губернатор Громов в связи с захватом «Норд-Оста» чеченскими террористами решил депортировать из области проживающих там без регистрации таджиков¹⁹. Можно только предполагать, что, учитывая новейшую историю Таджикистана, власти ожидают увидеть среди таджиков бывших или нынешних боевиков-исламистов. Да, это возможно, но

---

¹⁵ Примаков Евгений. Война с исламом может расколоть Россию // Известия. 2002. 5 ноября.

¹⁶ Соколов-Митрич Дмитрий. «Мы вас, русских свиней, в Чечне резали и здесь будем резать!» // Известия. 2002. 25 октября.

¹⁷ Соколов Максим. Преступность и национальность // Известия. 2002. 31 октября.

¹⁸ Кураев Андрей. Как бороться с терроризмом без спецназа // Известия. 2002. 14 ноября.

¹⁹ На всякий случай заметим, что таджики эти жили в области легально, так как с Таджикистаном у России нет визового режима. Так что депортировали их всего лишь за административное правонарушение. Такова же степень «незаконности» подавляющего большинства «незаконных мигрантов» в России: они приехали или по безвизовому въезду, или вообще переместились из других регионов России.

вопрос регистрации здесь явно не при чем, так что последовательным выводом была бы депортация всех таджиков поголовно. То же относится и к выходцам с Кавказа, из Узбекистана и т.д. – прямо по Осетинскому. Конечно, власти не планируют тотальных депортаций, но акциями, подобными подмосковной, культивируют подозрительное отношение к иммигрантам (или даже к российским гражданам), исповедующим ислам.

Перспективным направлением противодействия экстремизму под религиозными лозунгами является укрепление наиболее толерантных и интегрированных в систему течений и структур ислама; в идеале – обеспечение им полного доминирования. Хотя все, разумеется, отдадут себе отчет в колоссальной сложности такой задачи.

Задача распадается на две – пресечение реального исламизма и поощрение противостоящих ему тенденций. В Кремле, разумеется, понимают, что одними спецоперациями милиции и ФСБ в мечетях успеха не добиться. Тем более, что спецоперации эти часто больше обижают невинных, чем выявляют виновных в антиконституционной исламистской деятельности²⁰. Так что важнее проводить политику поощрения и упрочения лояльности.

Одним вариантом такой политики является проект «русский ислам», который развивает группа экспертов в окружении Сергея Кириенко – Сергей Градировский, Петр Щедровицкий и др. Смысл словосочетания «русский ислам» – не в русификации исламской практики и не в мусульманском прозелитизме среди этнических русских (как любят писать оппоненты Градировского), а в выстраивании под патронажем власти национальной мусульманской школы, которая стала бы для мусульман страны большим авторитетом, чем приезжие учителя из арабских стран, среди которых могут попадаться (и попадают) и настоящие исламисты. К тому же «русский ислам» был бы лоялен российской государственности, чего трудно ожидать от значительной части нынешнего поколения активных молодых мусульман, учащих на иностранные деньги по иностранным учебникам или просто за границей. (Само по себе обучение в Каире или Багдаде, конечно, не делает человека автоматически ни антипатриотом, ни экстремистом, но невозможно отрицать, что образовательная среда может быть в этом смысле более или менее патогенной.)

Ориентируются при этом советники Кириенко, естественно, на приволжских муфтиев, многие из которых, в свою очередь, входят в Совет муфтиев, возглавляемый Равилем Гайнутдином. Этот вариант предполагает вовлечение весьма плюралистичной среды Совета муфтиев. Есть там и довольно радикальные элементы – стоит вспомнить хотя бы Нафигуллу Аширова, – так что в «русском исламе» могут найти себя и те, кто стоит совсем близко к исламизму. С одной стороны, это хорошо, ибо включает их в сферу контроля, с другой же стороны, опасно, ибо государственный контроль всегда неглубок и за казенный счет можно воспитать террористов не хуже, чем в иных пакистанских медресе. Возможно, поэтому «русский ислам» пока почти не вышел за пределы Приволжского округа.

Другой, консервативный, вариант – ориентироваться на «старых муфтиев», на Духовное управление Талгата Таджуддина. Здесь не переносят малейших намеков на интегрзм и даже сторонников Гайнутдина неизменно именуют ваххабитами. Более того, Таджуддин всегда демонстрирует не только политическую, но даже и мировоззренческую лояльность РПЦ:

...по воле Аллаха, Россия – наша родина. Святая Русь – наша Отчизна²¹.

Можно сказать, что Талгат Таджуддин – идеальный мусульманский лидер для власти: не

---

²⁰ См. например: Тюменская милиция выгнала миссионеров из мечети // Ислам.Ру. 2001. 08 ноября; В Сочи стариков и детей мусульман подозревают в терроризме // Там же. 2002. 24 сентября (<http://www.islam.ru/press/rus/2002-09-24/?single=1137>); В Екатеринбурге зачищена мечеть // Ислам.Ру. 2002. 25 ноября (<http://www.islam.ru/press/rus/2002-11-25/?single=1512>).

²¹ Цит. по: Тульский Михаил. VII Всемирный русский собор: наибольшую поддержку вызвали выступления Зюганова и Глазунова, Жириновский опять показал себя шутком и скандалистом // Credo. 2002. 17 декабря (<http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=5724&topic=60>).

требует для мусульман ничего специального (даже права женщин фотографироваться в платках, что стало предметом скандала в ряде регионов), лоялен к властям и доминирующей Церкви, охотно поддерживает любые акции против исламизма. Соответственно, Таджуддин при Путине стал «главным» муфтием (Гайнутдина подвела еще и прежняя политическая ориентация на Лужкова).

Но есть и проблемы. Во-первых, сторонники Таджуддина открыто используют тему «ваххабитской угрозы» в своей борьбе со сторонниками Гайнутдина – вплоть до наведения ФСБ на мечети оппонентов по весьма спорным обвинениям в пропаганде экстремизма²². А в видах противодействия исламизму междоусобная война лояльных муфтиев – чистый вред. Во-вторых, Таджуддин, как нам представляется, недостаточно подчеркивает именно особенности ислама, чтобы привлечь молодежь (и не только молодежь), ищущую исламского возрождения.

Найти баланс тут очень сложно. Может быть, даже и хорошо (в смысле предотвращения роста исламизма), что существует конкуренция муфтиятов. Но нельзя сказать, что власть сознательно поддерживает эту конкуренцию. Власть как целое не определилась, а муфтии пока опираются на поддержку различных групп высокопоставленных чиновников.

Итак, определенности нет ни во власти, ни среди лидеров российских мусульман, ни в обществе (есть только у русских националистов, но не о них сейчас речь). Пока те, кто стремится не допустить распространения антиисламских настроений, отделяются общими словами о том, что «ислам – религия мира», или благоглупостями вроде «террористы – не мусульмане» (будто говорящий такое – большой исламский авторитет, чем, скажем, лидер ХАМАС шейх Ясин), но эти заклинания никак не отвечают на те прямые или завуалированные антиисламские идеи и настроения, о которых говорилось выше, да и вообще ни на какие вопросы не отвечают.

Общество ждет убедительных объяснений: как отличить «опасного» мусульманина от лояльного. Объяснения эти должны исходить одновременно от власти и от авторитетных людей в исламе и вне его и что-то отвечать по существу на конкретные опасения. Выстроить такие объяснения сложно по многим причинам, но пока объяснений нет, антиисламские настроения будут разрастаться.

---

²² Свердловская область. Региональное духовное управление мусульман объявило войну запрещенной исламской литературе // Регионы России. 2002. 28 ноября.